

ЕНЦЕПЕДИЧЕСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15-го числа.

ПОДПИСКА принимается въ редак-
ціи: Гостинская ул., д. бывшій Сере-
бrenиковой.

ЦѢНА годовому изданію съ
доставкою и пересылкою 6 руб.

1911 года.

№ 7.

1 апрѣля

Содержаніе. Отдѣлъ официальный: Официальная хроника.—Ва-
кантныя мѣста.

Отдѣлъ неофициальный.—День свѣтлой радости.—Обзоръ
печати.—Вѣра древнихъ язычн. и невѣріе современ. христіанъ, Хр. Соболева.—
Завѣдываніе свѣчнымъ складомъ.—Изъ дневника семинариста, Н. Уставщи-
кова.

ОТДѢЛЪ ОФИЦИАЛЬНЫЙ.

Официальная хроника.

Назначенія и перемѣщенія.

Сынъ крестьянина Іосифъ Долинченко, по прошенію, назна-
ченъ вр. и. д. псаломщика къ Аррейской церкви, Красноярскаго
уѣзда, 8 марта с. г.

Священникъ Енисейскаго собора Николай Перепелкинъ перемѣщенъ въ село Каптыревское, Минусинскаго уѣзда, 8 марта с. г.

Священникъ Балахтинской церкви перемѣщенъ въ село Имисское, Минусинскаго уѣзда, 10 марта с. г.

Священникъ Бѣлоярской церкви, Ачинскаго уѣзда, перемѣщенъ къ Устюжской церкви, Красноярскаго уѣзда, 10 марта сего года.

Священникъ Солгонской церкви, Ачинскаго уѣзда, перемѣщенъ къ Арейской церкви, Красноярскаго уѣзда, 10 марта сего года.

Воспитаннику VI класса Красн. Духовн. Семинаріи Николаю Голощакину предложено священническое мѣсто при Богучанской церкви, Енисейскаго уѣзда, 11 марта с. г.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 12 марта с. г., за № 1012, діаконы Енисейской епархіи опредѣлены на слѣдующія священническія мѣста:

Иконниковъ Александръ—къ Солгонской церкви, Ачинскаго уѣзда.

Горбуновъ Θεодоръ—къ Ермаковской церкви, Минусинскаго уѣзда.

Вазингеръ Стефанъ — къ Маковской церкви, Енисейскаго уѣзда.

Быстровъ Валентинъ—къ Бѣльской церкви, Енисейскаго уѣзда.

Поповъ Іоаннъ—къ Червянской церкви, Енисейскаго уѣзда.

Кузнецовъ Александръ—къ Балахтинской же церкви на 2-е священническое мѣсто,

Гонаго Михаилъ—къ Бѣлоярской церкви, Ачинскаго уѣзда.

Поповъ Евгеній—къ Ново-Александровской церкви, Ачинскаго уѣзда.

Олофинскій Валеріанъ къ Балахтонской церкви, Ачинскаго уѣзда.

Макѣевъ Викторъ къ Кышенской церкви, Минусинскаго уѣзда.

И. д. псаломщикъ Курбатовской церкви, Ачинскаго уѣзда, Іосифъ Минаевъ уволенъ отъ должности, 5 марта с. г.

И. д. псаломщика Рыбинской церкви (на Ангарѣ) перемѣщенъ на таковое же мѣсто къ Бѣльской церкви, Енисейскаго уѣзда, 14 марта с. г.

Діаконъ-псаломщикъ Усть-Ессинской церкви, Минусинскаго уѣзда, уволенъ за штатъ, 7—9 марта с. г.

И. д. благочиннаго 1 и 6 участковъ, Канскаго уѣзда, уволенъ отъ должностей, 19 сего марта.

Священникъ Иланской жел.-дор. церкви, Александръ Коноваловъ, назначенъ и. д. благочиннаго 1 уч., Канскаго уѣзда, 19 сего марта.

Священникъ Долго-Мостовской церкви, Николай Рачковскій, назначенъ и. д. благочиннаго 6 уч. Канскаго уѣзда, 19 сего марта.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 18—27 января сего 1911 года, за № 354, какъ видно изъ указа его, отъ 31 января того-же года, за № 1712, въ Енисейской епархіи вновь открыты: а) приходы въ переселенческихъ участкахъ:

Канскаго уѣзда: Кузинскомъ, Вахрушевѣ.

Минусинскаго уѣзда: Шадринскомъ.

Ачинскаго уѣзда: Казулькѣ.

Красноярскаго уѣзда: Кругомъ. б) Разѣздной причтъ съ главнымъ центромъ въ с. Бирилюсскомъ, Ачинскаго уѣзда.

Къ сему Консисторія присовокупляетъ, что въ вышеперечисленные приходы имѣютъ быть опредѣлены слушатели Московскихъ пастырскихъ курсовъ.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

С в я щ е н н и ч е с к і я.

Ачинскаго уѣзда:—Козулька а)—при Бирилюсской ц. (разъѣздной причтъ).

Канскаго уѣзда: въ с. с. Шелеховскомъ, а.—Черингачетскомъ, а.—Фаначетскомъ, а.—Межевскомъ, а.—Затальскомъ, а.—Кузинскомъ, а.—Вахрушевскомъ, а.

Минусинскаго уѣзда: Шадринской, а.

Красноярскаго уѣзда: Крутой, а.

Енисейскаго уѣзда: въ с. с. Каменскомъ, съ 18 іюля 1908 г. (жал. 400 руб., свѣдѣній о домѣ нѣтъ, деревень 3, жителей 512 душъ муж. пола).—Ярцевскомъ, съ 23 марта 1910 года (жалованья 300 руб., домъ есть, въ приходѣ 3 деревни, жителей 373 д. м. п.).

Туруханскаго края: въ с. Тазовскомъ, съ 4 августа 1910 г. При Есеевской часовнѣ, съ 5 февраля 1911 года.

Д і а к о н с к і я.

Минусинскаго уѣзда: Лугавскомъ, съ 12 марта 1911 года.—Гр.-Минусинской Троицкой церкви, съ 12 марта 1911 года.—Шалаболинскомъ, съ 12 марта 1911 года.

Ачинскаго уѣзда: Солгонскомъ, съ 12 марта 1911 года.—Балахтинскомъ, съ 12 марта 1911 года.—Шарыповскомъ, съ 12 марта 1911 года.

Енисейскаго уѣзда: Казачинскомъ, съ 12 марта 1911 года.

Красноярскаго уѣзда: Градо-Покровской церкви, съ 12 марта 1911 года.—Частоостровскомъ, съ 12 марта сего года.

П с а л о м щ и ч е с к і я.

Ачинскаго уѣзда: въ с. с. Ново-Александровскомъ, съ 20 сент. 1907 года (жалованья 125 р., квартира церковная, деревень 1

(жит. 456 д. м. п.). — Бѣлоярскомъ (Георгіевская) съ 4 дек. 1910 г. (жал. 100 руб., квартиры нѣтъ, въ прих. 5 дер., жит. 836 д. м. п.). — Казулька, а. — Изыжульскомъ, съ 23 декабря 1910 года (жал. 100 руб., квартиры нѣтъ, въ прих. 6 деревень, жит. 2620 д. м. п.). — Мало-Улуйскомъ, съ 24 февраля 1911 года. — При Бирилюсской (развѣздной причтъ). — Курбатовскомъ, съ 5 марта 1911 года.

Красноярскаго уѣзда: въ с. с. Шилинскомъ, съ 27 декабря 1910 г. (жал. 100 руб., домъ общественный, деревень въ приходѣ 6, жителей 2052 души муж. пола). — Кускунскомъ, съ 11 февраля 1911 года. — Юкѣевскомъ, съ 12 февраля 1911 года. — Кругой, а. — Жел.-дорожн. Спасской ц., съ 12 марта 1911 г.

Енисейскаго уѣзда: Кемскомъ, съ 2 марта 1911 года. — Рыбинскомъ, съ 14 марта 1911 г.

Минусинскаго уѣзда: въ с. с. Сисимскомъ, съ 26 мая 1910 г. (жал. 100 руб., домъ есть, дер. 1, жителей 612 д. м. п.). — Мигнинскомъ, съ 13 сентября 1910 года. — Кочергинскомъ, съ 22 февраля 1910 года (жал. 60 руб., домъ есть, въ прих. дер. 5, жит. 2882 д. м. п.). — Тигрицкомъ съ 24 февр. 1911 года. — Шадринскомъ, а. — Усть-Ессинскомъ, съ 7—9 марта 1911 года.

Канскаго уѣзда: въ с. с. Межевскомъ, а. — Затальскомъ, а. — Черингачетскомъ, а. — Верхне-Уринскомъ, съ 22 дек. 1910 года (жал. 100 р., домъ есть, въ приходѣ 3 деревни, жит. 370 д. м. п.). — Кузинскомъ, а. — Вахрушевскомъ, а.

Примѣчаніе: Отмѣченные буквою „а“ — вновь открытые переселенческіе приходы.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

День свѣтлой радости.

Въ невыразимой печали провели субботній день апостолы и св. жены. Безъ сомнѣнія, всѣ они, будучи земляками изъ родной Галилеи, а еще болѣе—связанные любовію къ своему Учителю, провели субботу вмѣстѣ или по близости другъ отъ друга. Для всѣхъ ихъ эта суббота была субботою тихихъ, горькихъ слезъ, скорби и отчаянія. Святые жены присутствовали при погребеніи, „смотрѣли гробъ, и какъ полагалось тѣло его“ (Лук. 23, 55); онѣ внимательно всматривались, гдѣ Его полагали (Марк. 15, 47). Сверхъ того св. жены примѣтили, что Іосифъ и Никодимъ очень спѣшили погребеніемъ и не исполнили всего, что полагалось по іудейскимъ обычаямъ,—да и нельзя было не спѣшить: погребеніе свершилось въ Великій Пятокъ поздно вечеромъ, солнце уже скрылось за Іерусалимскими холмами, и наступила суббота— „великій день“. Въ теченіе субботняго покоя онѣ, безъ сомнѣнія, только и видѣли предъ собою, что потрясающія событія предыдущаго дня: малѣйшая подробность представлялась ихъ взору съ поражающею ясностью, и вотъ, наконецъ, все вниманіе ихъ приковывается къ одной мысли, что не все еще слѣлано для незабвеннаго Учителя, что предстоитъ еще окончить надлежащимъ образомъ Его погребеніе. Онѣ, готовыя отдать свою жизнь за Іисуса, порывались воздѣть теперь послѣдній долгъ почившему и заготовили свѣжіе благовонія и ароматы. И вотъ, только миновалъ срокъ субботняго покоя, „зѣло рано“ (Лук. 24, 1), „еще сущей тьмѣ“ (Іоанн. 20, 1) Марія Магдалина, Марія Іаковля, Іоанна, жена Хузаня, приставника Иродова, и „ины, яже служажу Ему отъ имѣній своихъ“ (Лук. 8, 3) при жизни, и теперь вмѣстѣ съ Нимъ и Апостолами на праздникъ Пасхи „пришли отъ Галилеи“ (Лук. 23, 55), устремились ко гробу, „носяще, яже уготоваша, ароматы“ (Лук. 24, 1). —Но раньше всѣхъ вышла изъ дома, „пламенѣя, по выраженію Св. Златоуста, самою нѣжною любовію къ Учителю“, точно на

крыльяхъ принеслась—пришла первая ко гробу Св. Марія Магдалина, желая хотя отъ мѣста получить какое-нибудь утѣшеніе въ своей неутолимой скорби. Но, о ужасъ! Марія предъ самымъ гробомъ остановилась, какъ пораженная громомъ—„камень взять отъ гроба“ (Іоанн. 20, 1). Едва придя въ себя отъ необычайнаго изумленія и ужаса, она немедленно, уже ничего не видя и не слыша вокругъ себя, устремилась обратно—„бѣжить и приходить къ Симону Петру и къ другому ученику, котораго любилъ Іисусъ, и говорить имъ, взяли Господа отъ гроба, и не знаю, гдѣ положили Его (Іоанн. 20, 2).

Между тѣмъ другія св. жены, отставшія по пути отъ Маріи, дорогой вспомнили о камнѣ, которымъ при погребеніи закрыли гробъ, можетъ быть, при этой мысли онѣ остановились въ недоумѣніи на пути и спрашивали одна другую: „кто могъ бы имъ отвалить камень?“ Между тѣмъ уже разсвѣтало (Мѡ. 28, 1), когда онѣ подошли къ саду и вступили въ его изгородь, и первые лучи солнца озарили востокъ; при свѣтѣ ихъ св. жены съ изумленіемъ и страхомъ, какъ нѣсколько раньше Марія Магдалина, „взглянувши, видятъ, что камень отваленъ; а онъ былъ весьма великъ“ (Марк. 16, 4). Предъ ними зіяло только темное отверстіе пещеры. Придя въ себя отъ изумленія, св. жены всѣмъ сонмомъ устремляются въ священную гробницу. Взглянувъ на отваленный камень, онѣ обмерли отъ страха: на немъ сидѣлъ ангелъ (Мѡ. 28, 7). „Видь его былъ, какъ молнія, и одежда его бѣла, какъ снѣгъ“ (Мѡ. 28, 2—3). Въ священномъ трепетѣ мироносицы пали на землю (Лук. 24, 5). „Ангелъ же, обративъ рѣчь къ женщинамъ, сказалъ: „не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Іисуса назарянина распятаго. Его нѣтъ здѣсь; Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. И пойдите поскорѣе, и скажите, ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и предваряетъ васъ въ Галилеѣ. Тамъ Его увидите. Вотъ я сказалъ вамъ!“ (Мѡ. 28, 5—7).—Повинуясь повелѣнію Ангела, жены съ трепетомъ проникаютъ въ самую пещеру „и вошедши во гробъ, увидѣли

юношу, сидящаго на правой сторонѣ, облеченнаго въ бѣлую одежду“. Новый ужасъ и новое ободреніе... „Не ужасайтесь, Іисуса ищите Назарянина распятаго: Онъ воскресъ, Его нѣтъ здѣсь. Вотъ мѣсто, гдѣ Онъ былъ положенъ. Но идите, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ предвѣщаетъ васъ въ Галилеѣ. Тамъ Его увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ“ (Марк. 16, 5—7).— „Вспомните“,—говорили еще небесные вѣстники— „какъ Онъ говорилъ вамъ, когда еще былъ въ Галилеѣ, сказывая, что сыну человѣческому надлежитъ быть предану въ руки человѣковъ грѣшниковъ, и быть распяту, и въ третій день воскреснуть“. „И вспомнили онѣ слова Его“ (Лук. 24, 6—8).

Выйдя изъ гроба, св. жены стремительно бросились въ городъ. Солнце показалось на горизонтѣ. Во время пути имъ попадало, вѣроятно, не мало встрѣчныхъ изъ народа. Можетъ быть, въ числѣ ихъ были и слуги Каіафы, спѣшившіе, по его порученію, удостовѣриться въ томъ, что Іисуса нѣтъ болѣе во гробѣ.—

Враги Господа также должны были узнать потрясающую для нихъ вѣсть о Его воскресеніи. Ставя стражу при гробѣ, они невольно для себя готовили вѣстниковъ необычайнаго чуда.— „Галилейскій пророкъ лежитъ во гробѣ за моею, Каіафиной, печатью... Стража стоитъ безсмѣнно... Всѣ мѣры приняты. Остается лишь успокоить волненіе умовъ“... Такія, независимо отъ воли Каіафы, мысли о Галилейскомъ пророкѣ пробѣгали въ его головѣ, пока онъ раннимъ утромъ того же дня произносилъ свои молитвы и совершалъ положенное по закону омовеніе, приготовляясь къ утреннему выходу во храмъ. Вдругъ вбѣгаетъ прислужникъ изъ назареевъ. „Господинъ“,—началъ онъ торопливо,— „Господинъ, стража вернулась“!—и, понизивъ голосъ, почти шепотомъ произнесъ: „говорятъ, гробъ пустъ, и Его тамъ нѣтъ“!—Каіафа растерялся. Молніей пронесли въ головѣ Его слова пророка о трехдневномъ срокѣ: наступалъ въ самомъ дѣлѣ третій день... Закутавшись наскоро въ мантию, первосвященникъ вышелъ на галлерею. При бѣловатомъ свѣтѣ утренней зари онъ могъ замѣтить испуганныя лица

стражей и слышалъ странныя рѣчи... „Все было тихо кругомъ. Наканувъ садъ былъ совершенно пустъ. Вечерній обходъ не открылъ никого ни въ саду, ни за оградой. Безлунная ночь была темна, и мертвая тишина, не возмущаемая ни малѣйшимъ дыханіемъ вѣтерка, давила свинцевою тяжестью, какъ передъ бурей... Намъ стало жутко... Мы разложили было костеръ предъ пещерой и уговорились не смыкать глазъ въ теченіе всей ночи. Незадолго до полуночи мы всѣ почувствовали, какъ будто земля тяжело вздохнула... Мы въ ужасѣ вскочили на ноги... Невозможно передать того, что было затѣмъ... Высоко всколебалась земля, шумно качнулись деревья, съ громомъ рухнулъ запечатлѣнный камень, ослѣпительная молнія, сверкнувъ изъ гроба, повергла насъ на землю... Мы лежали въ безпамятствѣ... Очнувшись, мы увидали, что камень отваленъ, и могила пуста“... „Ни слова никому, если дорога вамъ жизнь,—слышите—никому“... бормоталъ смущенный Каиафа. Распорядившись отвести стражу въ крѣпкое и безопасное мѣсто, первосвященникъ послалъ людей своихъ провѣрить ихъ извѣстіе. Можетъ быть, встрѣтивъ по дорогѣ святыхъ женъ, спѣшившихъ отъ гроба, они смутили ихъ, окинувъ подозрительнымъ взглядомъ.—Пугливо пронеслись дальше мирноносицы. „Ихъ объялъ трепеть и ужасъ, и никому ничего не сказали, потому что боялись“ (Марк. 16, 8).

Но на пути имъ должны были встрѣтиться и тѣ, до которыхъ относилась радостная вѣсть: то были Петръ и Іоаннъ и за ними Магдалина. Подъ вліяніемъ охватившаго ихъ ужаса, мирноносицы, едва взглянувъ, а, можетъ быть, и вовсе не замѣтивъ ихъ, продолжали стремительный бѣгъ свой домой и, только очутившись дома среди своихъ, онѣ мало по малу пришли въ себя отъ ужаса и, успокоившись, возвѣстили все видѣнное.—Получивши извѣстіе отъ Магдалины, апостолы Петръ и Іоаннъ немедленно, еще до возвращенія другихъ мирноносицъ, устремляются ко гробу—удостовериться собственными глазами, что случилось. Юный Іоаннъ далеко оставилъ позади своего спутника, прибѣжавъ первымъ, въ безмолвномъ удивленіи взиравъ на отверстый гробъ. Со страхомъ заглянувъ въ пе-

шеру, онъ увидалъ, что пещера пуста. Чувство невольнаго страха удержало Иоанна. Но скоро подоспѣлъ Петръ, который стремительно, чрезъ низкую дверь, проникъ въ пещеру „и видитъ однѣ пелены лежащія, и платъ, который былъ на главѣ Его, не съ пеленами лежащій, но особо свитый, на другомъ мѣстѣ“ (Іоанн. 20, 7). Вслѣдъ за Петромъ въ пещеру вступилъ и Іоаннъ— „и увидѣлъ, и увѣровалъ“.— Вотъ первый вѣрующій въ воскресеніе Господа послѣ св. женъ, которымъ благовѣстили ангелы.— Но никто еще не видѣлъ Самого Воскресшаго... Марія Магдалина, по удаленіи Петра и Іоанна, одна осталась при гробѣ,—одна съ своей невыразимой скорбью, безъ малѣйшей искры упованія... Душа Маріи такъ была потрясена всѣмъ случившимся, такъ занята одною мыслию о похищеніи тѣла Господа, что, увидавъ ангеловъ, она нисколько не смутилась, какъ будто то были обыкновенные люди. Два ангела находились внутри гроба: одинъ сидѣлъ на гробѣ у главы, а другой у ногъ, гдѣ лежало тѣло Іисуса (Іоанн. 20, 12).— „Жена! что ты плачешь?“ — „Унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его“ (Іоанн. 20, 13).— Такъ, даже видѣніе ангеловъ не могло утишить въ ней сильнаго душевнаго волненія и тревоги. Только присутствіе Самого Господа могло бы успокоить ее, Онъ одинъ и никто болѣе могъ превратить скорбь ея въ радость. И вотъ Онъ Самъ дѣйствительно передъ нею... Но и Его она узнаетъ не сразу. Слѣдуя безотчетно одной овладѣвшей ею думѣ, вся въ слезахъ, она принимаетъ Его за садовника, который въ этотъ часъ долженъ былъ явиться для уборки сада. Господь обращается къ ней съ тѣми же словами, какъ и ангелы: „жена! что ты плачешь? кого ищешь?“—Обрадовавшись надеждѣ, что незнакомецъ можетъ объяснить ей исчезновеніе тѣла Господа и, отвернувшись—можетъ быть—нѣсколько въ сторону, чтобы скрыть слезы, застилавшія ей глаза, она спросила мнимаго садовника: „Господинъ, если ты вынесъ Его, скажи, гдѣ положилъ Его, и я возьму Его“.—Іисусъ говоритъ ей: „Марія!“—Одно это слово, произнесенное столь знакомымъ ей торжественнымъ голосомъ и въ то же время безконечно любящимъ Господомъ, мгновенно проникло ей въ сердце. Бросив-

писъ къ Нему и видимо стараясь коснуться Его ногъ или схватить край Его одежды, она вскрикнула: „Раввун!“ — т. е. Учитель мой! и затѣмъ какъ бы онѣмѣла отъ священнаго восторга... О, этотъ мигъ, за который, безъ сомнѣнія, она не пожалѣла бы отдать цѣлой жизни, въ который вся ужасная скорбь ея мгновенно потонула въ лучахъ безпредѣльной радости. Въ священномъ трепетѣ она повергается къ стопамъ Спасителя, чтобы обнять ихъ, не желая никогда болѣе разлучаться въ Нимъ, но милостивый знакъ рукою останавливаетъ ее, и она снова слышитъ сладчайшій гласъ: „не прикасайся ко Миѣ, ибо Я еще не восшелъ ко Отцу Моему; а иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и къ Богу вашему“ (Іоанн. 20, 15—17).—Сколько безконечной любви къ людямъ прозвучало въ этомъ трогательномъ и нѣжномъ названіи учениковъ „братію“ въ устахъ Воскресшаго изъ мертвыхъ и готоваго идти ко Отцу—Прославленнаго Икупителя міра.

Когда Марія очнулась, Его уже не было, но въ сердцѣ ея царила безмѣрная радость. въ ухахъ раздавались сладостнѣйшія рѣчи. На глазахъ были еще слезы, но—уже сладкія слезы... Между тѣмъ надлежало исполнить повелѣніе Господа, и Марія понесла свою торжественную вѣсть, и для всѣхъ грядущихъ вѣковъ и родовъ прозвучали эти первые слова, запечатлѣвшіяся на вѣки въ сердцахъ тѣхъ, которые въ первый разъ услышали ихъ: „я видѣла Господа“!—

Но, очевидно, свидѣтельство одной Маріи было недостаточно: „двухъ человѣкъ свидѣтельство истинно“ (Іоанн. 8, 17). Навстрѣчу Маріи Магдалинѣ, которой, конечно, съ опасеніемъ хватились въ священномъ собраніи послѣ возвращенія Петра и Іоанна, спѣшила ко гробу другая Марія, сестра Божіей Матери. При встрѣчѣ Марія Магдалина, безъ сомнѣнія, сообщила своей спутницѣ радостную вѣсть, и обѣ поспѣшили въ собраніе апостоловъ.

И вотъ Іисусъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: радуйтесь!—Бросившись на землю, св. жены ухватились за ноги Его и покло-

нились Ему.— „Пойдите, возвѣстите братьямъ Моимъ“,—повторилъ еще разъ Господь повелѣніе Свое,— „чтобы шли въ Галилею и тамъ они Меня увидятъ“ (Матѳ. 28, 9—10).—Марія Магдалина вмѣстѣ съ другою Марією является въ собраніе апостоловъ. Исполненная неизреченной радости, она и безъ словъ была живымъ свидѣтелемъ воскресенія.

Но страннымъ казалось, что видѣнія и явленія были только для женщинъ. Апостолы, кромѣ Іоанна Богослова, и на этотъ разъ остались при своемъ невѣріи... И вотъ Господь является Петру. Но, чтобы и Петръ не былъ одинокимъ свидѣтелемъ изъ числа апостоловъ, Господь соблаговолилъ еще явиться Іакову, своему ближайшему родственнику по плоти... Такимъ образомъ апостолы совершенно подготовлены были къ тому, чтобы удостоиться всѣмъ вмѣстѣ радостнѣйшаго лицезрѣнія Воскресшаго Господа, Который—дѣйствительно—и явился имъ вечеромъ того незабвеннаго дня.

Теперь посмотримъ, что между тѣмъ происходило въ Іерусалимѣ. Многоязычный говоръ стеномъ стоялъ на улицахъ. Чаше всего слышались звуки арамейскаго и греческаго языка. Съ оживленной жестикуляціей, страстно волнуясь и споря между собою, передавали другъ другу поразительную новость о томъ, что тѣла Іисусова сегодня утромъ не нашли во гробѣ, не смотря на стражу и печать. Гдѣ дѣлось тѣло—никто не зналъ. Обшарили всѣ углы, но ничего не нашли. Самые ловкіе сыщики, вышколенные въ полиціи Ирода, вернулись съ поисковъ ни съ чѣмъ... Навѣрное, при этомъ припоминали всѣ благодѣянія Іисуса, всѣ Его животворныя бесѣды, и лучезарный образъ Христа, въ дивной божественной красотѣ, какъ живой, воскресалъ въ душахъ многочисленныхъ поклонниковъ, собравшихся въ Іерусалимѣ...

Удостоверившись въ истинѣ донесенія стражи, Каіафа, встревоженный, спѣшилъ принять энергическія мѣры. Положеніе казалось ему крайне опаснымъ. „Толпа вѣдь всегда переменчива. Правда, ее легко было возбудить три дня тому назадъ, но недѣлей раньше

развѣ не гремѣло „Осанна“ во славу Іисуса?—Она склонна болѣе всего вѣрить всему чудесному. Весь Іерусалимъ полонъ разсказами о какихъ-то таинственныхъ явленіяхъ съ того свѣта. Говорятъ, что лица, давно умершія, являлись своимъ знакомымъ и привѣтствовали ихъ съ радостной улыбкой. При такомъ настроеніи толпы легко можетъ произойти крутой поворотъвъ мысляхъ, и тогда на кого обрушится ярость взволнованнаго народа, кто поставитъ ей границы?—Что же дѣлать?—Собрать немедленно, безотлагательно Синедріонъ... Такъ волновался и такъ рѣшилъ растерявшійся Каіафа... Синедріонъ собрался,—собрался въ страшномъ смущеніи и ужасѣ. Конечно, здѣсь не было и рѣчи ни о дѣйствительности чуда, ни о безпристрастномъ разслѣдованіи; тѣмъ болѣе для закоренѣлыхъ сердець не могло быть и вопроса о вѣрѣ... Оставалось одно средство—прибѣгнуть ко лжи. Во лжи оставалось единственное прибѣжище. И вотъ снова призываютъ стражниковъ и, не придумавъ ничего лучшаго, внушаютъ имъ распространять нелѣпую и смѣшную сказку о похищеніи тѣла Іисусова во время сна стражи у гроба.

—Такъ волновались вожди народа въ то время, какъ въ небольшомъ обществѣ учениковъ Христовыхъ уже радостно разлавалось: „Христосъ воскресе“!, а среди безчисленнаго собравшагося на праздникъ народа подготавлилась свѣжая, воспріимчивая весенняя почва для близкаго предстоящаго посѣва слова Божія.

Этотъ посѣвъ слова Божія далъ обильную жатву: вѣсть о воскресеніи въ третій день Господѣ Іисусѣ разнеслась по всему міру, и вѣра въ Него объединила во едино стадо сотни милліоновъ людей, разбросанныхъ во всѣхъ различныхъ концахъ земного шара. Скоро всѣ они радостно и торжественно будутъ воспоминать тридневное возстаніе изъ мертвыхъ Своего Спасителя—Христа Жизнодавца! Скоро наступитъ та святая полночь, когда всюду полетѣтъ гулъ колоколовъ, которые по всей землѣ точно будутъ будить народъ радостною вѣстью „Христосъ воскресе“!

И всегда много думъ будитъ этотъ гулъ... Будитъ воспоминанія объ юныхъ дняхъ на родной сторонѣ, когда такъ весело смо-

трѣлось въ жизнь, когда такъ сильно рвалась душа впередъ, такъ много разъ ожидала найти счастья на полѣ жизни. И радость юности овѣваетъ сердце. Какая чистая, искренняя, дѣтски простая радость! Та самая, какую дышало юное сердце въ свѣтлый день.

Но жизнь съ ношей тяжелой и острыми когтями скорбей уже достаточно поработала на хребтѣ и на сердцѣ. Давно завяли розы. Шипѣнье хитрой змѣи и крики гордаго и жестокаго зла заглушили небесные звуки чистой радости, низвели душу съ заоблачной дали на землю. Предъ вами просто человекъ и проза жизни... Вотъ предъ глазами у васъ тотъ, что вчера только кровно обидѣлъ васъ..., тамъ... предметъ вашей зависти, далеко опередившій васъ; тутъ... то недоброжелатель и завистникъ... И падаетъ духомъ въ омутъ житейскій... Въ суетѣ мелькають день за днемъ, проходятъ годы.

Глянулъ впередъ,—предъ глазами уже вечеръ жизни. Неумолимый, неизбежный! Неужели уже пора? Вѣдь вотъ, какъ будто такъ недавно началъ жизнь. Все время прошло въ усиленной спѣшкѣ. Спѣшимъ и теперь. Безъ отдыха суетимся, торопимся догнать счастье, покой и радость. И нельзя не спѣшить: впереди дѣла и глазомъ не окинешь... Вздумаешь приостановиться, вздохнуть. —Спѣши!—слышится повелительный голосъ жизни. И бѣжишь,—некогда потъ съ лица смахнуть.—Но доколѣ же это! Когда же будемъ жить радостями покоя? Не лучше ли остановиться отъ дѣлъ и труда и „отдохнуть по своему?“

Но вотъ скоро священникъ будетъ осѣнять крестомъ и послышится торжественный возгласъ: Христосъ воскресъ!—Хоръ запоетъ священную пѣснь: „и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова!“—Значить, мертвыхъ пѣтъ. Слава Воскресшему! Гаснетъ на время тѣло,—но и оно проснется, чтобы послѣ отдыха начать свѣтлую ангело-подобную и вѣчную жизнь. Такъ что-же скорбѣтъ объ усталости! Что-же и сѣтовать на приближающійся закатъ: это отдыхъ для тѣла, это—переходная ступень для души. Переступить и, какъ юноша, бодро и легко начнетъ новую жизнь въ условіяхъ свѣтозарной земли

обитанія святыхъ. „Воскресенія день, просвѣтимся людіе“!—Просвѣтимся радостью юности, свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества. Только этотъ духъ объединяетъ людей, изгоняетъ вражду, рождаетъ братство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радость жизни, равно какъ и радость вѣчности...

Вотъ какъ много думъ обычно наводятъ смѣлые, сильные, наши родные звуки благовѣста въ святую полночь Воскресенія Христова!—„Господи! помоги намъ такъ же громко и дерзновенно вѣщать Тебя, какъ дерзновенно будутъ звучать эти колокола. И если мѣдъ звенящая зоветъ къ Тебѣ, то помоги и намъ веѣмъ словомъ и жизнію прославлять Тебя и звать къ Тебѣ всѣхъ, во тьмѣ сѣдящихъ и тьмѣ служащихъ“!—

Б.

Обзоръ печати.

—Еженедѣльный журналъ „Воскресный день“ можетъ быть съ успѣхомъ употребляемъ для народныхъ чтеній. Хорошо то, что его содержаніе приспособлено къ кругу года церковнаго; и приходитъ онъ обыкновенно раньше той недѣли, къ которой его содержаніе относится. Послѣдніе номера 9 и 10 могутъ быть съ успѣхомъ прочитаны народу отъ начала до конца. Можно смѣло рекомендовать его для народныхъ чтеній.

—А журналъ „Христіанинъ“, по нашему мнѣнію, можетъ давать интересное и полезное чтеніе для самого духовенства. Программа этого журнала обширна. Въ каждой книжкѣ здѣсь можно найти нѣсколько интересныхъ статей, отвѣчающихъ на современные религіозныя и пастырскія требованія и запросы.

Сѣздъ представителей церковно-приходскихъ школъ Кіевской епархіи постановилъ увеличить курсъ въ двухкомплектныхъ школахъ до четырехъ лѣтъ и ввести въ нихъ преподаваніе исторіи, географіи, естествовѣдѣнія и другихъ новыхъ предметовъ.

Новое распределение границъ Сибирскихъ епархій.
Въ 1909 г. особымъ совѣщаніемъ по удовлетворенію религіозныхъ нуждъ переселенцевъ возбужденъ былъ вопросъ о новомъ распределеніи границъ сибирскихъ епархій—Благовѣщенской, Владивостокской, Якутской, Омской, Тобольской и Томской.

Кромѣ того, жителями гор. Бійска, Томской епархіи, возбуждено ходатайство объ учрежденіи у нихъ самостоятельной епископской кафедрѣ.

По этимъ вопросамъ преосвященнымъ названныхъ епархій Св. Синодомъ поручено было составить особыя на мѣстахъ комиссіи.

Въ настоящее время по этому предмету отъ преосвященныхъ уже получены свѣдѣнія, которыя и будутъ подлежать разсмотрѣнію въ центральномъ управленіи Св. Синода.

23 февраля въ Государственной Думѣ были пренія по смѣтѣ Св. Синода. Между прочимъ оберъ-прокуроръ сообщилъ Думѣ о ходѣ работъ по реформированію православнаго прихода. Предположеніе о православномъ приходѣ внесено уже въ совѣтъ министровъ. Въ основу проекта положены слѣдующія мысли: 1) прихожане привлекаются къ дѣятельному участию въ приходской жизни въ формѣ приходскаго собранія и приходскихъ совѣтовъ; 2) руководящая роль въ приходѣ усваивается приходскимъ священникомъ, при общемъ подчиненіи его и прихожанъ епископу епархіи; 3) организаціи прихода сообщается возможная простота и гибкость; 4) приходу предоставляются функціи юридическаго лица.

Вятскому епарх. съѣзду мѣстнымъ епархіальн. Преосвященнымъ было предложено, по поводу разсмотрѣнія вопросовъ о смѣтныхъ назначеніяхъ на семинаріи, обсудить вопросъ о причинахъ уклоненія семинаристовъ отъ пастырскаго служенія. Ректоръ семинаріи, бывшій на съѣздѣ, сообщилъ, что въ истекшемъ уч. году изъ 37 окончившихъ семинаристовъ приняли священный санъ лишь 3, и, какъ на одну изъ причинъ уклоненія ихъ отъ

пастырскаго служенія, онъ указалъ на поощреніе къ тому самихъ родителей, такъ какъ увольняющіеся изъ семинаріи для поступленія въ высшія свѣтскія уч. заведенія ученики представляютъ всегда разрѣшеніе и одобреніе родителей. При этомъ онъ указалъ также на то, что нѣкоторые изъ учениковъ д. училищъ, поступающіе въ семинарію, небрежно совершаютъ крестное знаменіе, не имѣютъ навыка къ чтенію въ церкви, а нѣкоторые заявляли, что они никогда не читали въ церкви. Съѣздъ, при обсужденіи этого вопроса, пришелъ къ заключенію, что съ указаннымъ ненормальнымъ явленіемъ духовенству слѣдуетъ считаться серьезно: необходимо принять мѣры къ расположенію питомцевъ дух. школы къ тому, чтобы по выходѣ изъ нея они отдавали свои силы, главнымъ образомъ, на служеніе церкви. Одни изъ депутатовъ вполне соглашались съ о. ректоромъ, что духовенство само мало обращаетъ вниманія на религіозное воспитаніе дѣтей, на предостереженіе ихъ отъ увлеченія свѣтской литературой, на развитіе въ нихъ любви и преданности къ церкви. Другіе, какъ на одну изъ причинъ уклоненія воспитанниковъ семинаріи отъ принятія свящ. сана, указывали на то, что семинарія, озабочиваясь главнымъ образомъ выполненіемъ положеннаго по программѣ курса наукъ, не уясняетъ воспитанникамъ во всей полнотѣ идеала пастырскаго служенія, оставляя безъ вниманія сердечное развитіе ихъ и укрѣпленіе въ нихъ духа церковности. Нѣкоторые ставили обсуждаемое явленіе въ связь съ духомъ времени, объясняли его вліяніемъ на дух. юношество со стороны общества, литературы и печати противоцерковнаго направленія. Наконецъ, нѣкоторые указали на матеріальную необеспеченность духовенства, приниженность положенія его въ обществѣ. Съѣздъ постановилъ: а) передать этотъ вопросъ для всесторонняго обсужденія на окружныя пастырско-благочиннич. собранія, которыя свои соображенія должны представить чрезъ благочинныхъ къ будущему епарх. съѣзду; б) просить епископа обратить вниманіе правленій д.-уч. заведеній на болѣе основательную постановку религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся и на то, чтобы отдѣлъ духовной литературы въ учен. бібліотекахъ,

въ особенности же апологетическій, былъ разнообразенъ и могъ удовлетворять любознательность воспитанниковъ. Въ виду же недостатка кандидатовъ на священническія мѣста, сѣздъ постановилъ просить епископа о назначеніи на эти мѣста наиболѣе достойныхъ діаконовъ.

Недавно г. Министръ Финансовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы по вѣчнымъ вкладамъ выдавались не 4, а 3 процента. Такое распоряженіе весьма сильно подрываетъ интересы православнаго духовенства. Всѣмъ хорошо извѣстно, что большинство вѣчныхъ вкладовъ принадлежитъ церквамъ и монастырямъ. Въ каждой почти церкви есть нѣсколько билетовъ, положенныхъ на вѣчное время для вѣчнаго поминовенія. И вотъ, вмѣсто того, чтобы духовенству оказать помощь, г. Министръ Финансовъ отнимаетъ у него послѣднія крохи. Послѣднее распоряженіе объ уменьшеніи процентовъ отнимаетъ у любого причта рублей до сорока въ годъ. Это тѣмъ болѣе обидно, что теперь въ Государственной Думѣ раздаются голоса, чтобы обезпечить духовенство жалованьемъ. И г. Министръ Финансовъ какъ будто соглашается съ этимъ, ассигнуя каждый годъ по 600,000 руб. на жалованье причтамъ. Но странно при этомъ, что онъ, давая одною рукою помощь, другою въ то же время, отнимаетъ у бѣднаго духовенства то, что оно имѣетъ. (Ц. В.)

Нужно ли пастырямъ общее образованіе?—Во время бюджетныхъ преній по синодальной смѣтѣ нынче слышались, довольно неожиданно, со стороны думскихъ ораторовъ сѣтованія, что духовное вѣдомство предпринимаетъ духовно-учебную реформу не въ надлежащемъ направленіи. По мнѣнію говорившихъ, духовная школа должна преслѣдовать не цѣли общеобразовательныя, а цѣли специально-пастырскія. Пусть дѣти духовенства, не готовые къ церковному служенію, получаютъ общее образованіе въ свѣтскихъ

училищахъ, а церковныя училища пусть готовятъ исключительно кандидатовъ священства. Насколько такой взглядъ на общеобразовательный элементъ духовнаго образованія, какъ не имѣющій прямого отношенія къ пастырскимъ задачамъ, представляется ошибочнымъ, можно судить хотя бы по такому голосу, исходящему изъ среды самого духовенства. Свящ. Георгіановъ въ „Нашемъ Объединеніи“ такъ пишетъ, напримѣръ, о затрудненіяхъ современнаго духовенства.

„За все время существованія русской Церкви никогда еще не предъявлялось къ духовенству столько разнообразныхъ требованій и запросовъ, идущихъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ наши дни. Особенно много серьезныхъ запросовъ къ текущей жизни предъявляется духовенству, имѣющему въ приходѣ дѣло съ людьми интеллигентными. Какъ бы хороши ни были отношенія между священникомъ и интеллигентными прихожанами, тѣмъ не менѣе, почти всегда можно замѣтить рознь въ ихъ взглядахъ на многіе вопросы какъ церковной, такъ и общественной жизни, такъ какъ наше интеллигентное общество въ большинствѣ или индифферентно къ вѣрѣ и Церкви, или даже враждебно имъ, а потому старается и представителей ея унижить, и ставить въ неловкое положеніе требованіемъ разрѣшенія многихъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

Всякій изъ насъ, священниковъ, въ области чисто религіозныхъ вопросовъ довольно свѣдущъ, и разрѣшеніе такого рода вопросовъ и заблужденій, которыми страдаетъ наше интеллигентное общество, для духовенства не представляется особенно затруднительнымъ; но бѣда въ томъ, что вопросы такого рода затрагиваются очень рѣдко, такъ какъ вся вѣра нашей интеллигенціи исчерпывается механическимъ и крайне неаккуратнымъ исполненіемъ различныхъ церковныхъ обрядовъ и посѣщеніемъ богослуженій въ особенно торжественные и знаменательные дни ихъ жизни. Въ этомъ почти вся ихъ религія; никакихъ возвышенныхъ духовныхъ запросовъ у нихъ нѣтъ, и о Богѣ и религіозно-правственныхъ понятіяхъ они имѣютъ лишь ложное представленіе,

какъ о нѣчто, препятствующемъ ихъ свободѣ. Встрѣчаются, впрочемъ, и между ними люди съ возвышенными религіозными идеями, но у большинства вниманіе затрагивается вопросами приблизительно такого рода: зачѣмъ у насъ монастыри существуютъ, когда монахи—тунеядцы? Зачѣмъ у насъ такъ много праздниковъ? Зачѣмъ такое отношеніе нашей Церкви къ инородцамъ и старовѣрцамъ, такое строгое осужденіе Толстого? На какомъ основаніи бракоразводными дѣлами вѣдаетъ духовная власть, а не свѣтская—и много, много другихъ подобныхъ вопросовъ. Подобнаго рода примѣры привожу потому, что мнѣ самому приходилось на нихъ отвѣчать. Извольте на все это отвѣчать только семинарскими науками. Какъ долженъ себя чувствовать священникъ, когда какой-либо фразеръ поведетъ разговоръ такимъ образомъ, что и самъ священникъ заслушается и, не умѣя оппонировать, невольно соглашается съ нимъ. Только пожившій, опытный священникъ можетъ бороться и доказать его нелѣпость; а что дѣлать молодому, еще малоопытному священнику? Скажутъ—у священника всегда есть орудіе для борьбы съ религіозными заблужденіями—это слово Божіе, но что дѣлать, если священнику, доказывающему отъ слова Божія, скажутъ: „не говорите мнѣ, батюшка, подобныхъ доказательствъ текстами, ибо я—человѣкъ грѣшный?..“

Итакъ, по сознанію самихъ пастырей, имъ недостаточно даже и то общее образованіе, какое дается въ семинаріяхъ, особенно въ его элементахъ, имѣющихъ отношеніе къ религіи. Можно ли же думать въ такомъ случаѣ объ исключеніи общеобразовательной подготовки изъ задачъ духовной школы? Не разумѣли, напротивъ, поступаетъ именно духовное вѣдомство, стараясь расширить въ своей школѣ не только богословскую программу, но и общеобразовательную?

Католическій Римъ, всегда ищущій, кого бы привести къ подножію „апостольскаго престола“, обратилъ вниманіе на нашихъ старообрядцевъ. Уловивъ въ свои сѣти 2—3 старообряд-

ческихъ духовныхъ лицъ, римскіе отцы возмнили, кажется, что имъ предстоитъ богатая жатва среди нашего старообрядчества. Но въ этомъ ихъ разочаровываютъ люди, которыхъ нельзя уже заподозрить въ пристрастіи въ смыслѣ церковно-православномъ. Одинъ изъ изслѣдователей религіозныхъ движеній въ Россіи, г. Панкратовъ, пишетъ, напримѣръ, въ „Русск. Словѣ“ (№ 37), что уловленные Римомъ старообрядцы составляютъ далеко не цѣнное приобрѣтеніе. Это люди безъ твердыхъ убѣжденій, готовые мѣнять ихъ сообразно обстоятельствамъ, и по нимъ судить о старообрядествѣ было бы ошибочно.

Въ Римѣ знаютъ о. о. Сусалева, Волощука, Сторожева, но совершенно не знаютъ нашего старообрядчества. Если бы они знали, то можетъ быть не повѣрили, что всѣ эти господа посланы отъ лица старообрядцевъ. Говорить съ русскими старообрядцами о сближеніи съ католиками—все равно, что предложить магометанству соединиться съ вѣрсповѣданіемъ Лютера. Невѣроятная дикость, внутреннее противорѣчіе звучать въ самихъ словахъ: „католическо-старообрядческая унія“. Въ Римѣ, видимо, не знаютъ, что для старообрядцевъ католичество—„латынская ересь“, а римскій папа—ересіархъ.

Русское старообрядчество сильно своимъ духомъ: болѣе трехъ вѣковъ оно побѣдоносно боролось за свою самостоятельность, претерпѣвая невыносимыя гоненія. Его не прельстила единовѣрческая унія. Можетъ ли прельстить чуждая, католическая? Неужели костры, ссылки, аресты, тюрьмы были нужны для того, чтобы послѣ всѣхъ мученій итти на соединеніе съ „латынскою ересью“? Въ Римѣ не знаютъ ни исторіи старообрядчества, ни закаленного въ страданіяхъ стального характера его.

Съ кѣмъ унія? Съ потерявшимъ силу и значеніе папизмомъ, который не только не можетъ быть покровителемъ старообрядчества, но самъ требуетъ сторонняго покровительства. Папская энциклика противъ модернизма открыла всему міру немощь Ватикана...

По вопросу о передачѣ церковныхъ школъ въ вѣдѣніе земствъ или министерства преосвященный Вологодскій Никонъ обратился къ церковнымъ старостамъ ввѣренной ему епархіи съ воззваніемъ, въ коемъ, между прочимъ, „вынужденъ съ болью въ сердцѣ объявить то, что тѣ старосты, которые будутъ отказывать церковнымъ школамъ въ посильной помощи, которые будутъ вредить имъ, подговаривать прихожанъ къ передачѣ сихъ школъ въ вѣдѣніе земствъ или министерства,—такіе старосты будутъ мною увольняемы отъ должностей, какъ ослушники воли епископа, какъ не радѣющіе о благѣ дѣтей своего прихода. Вѣдь всякая копѣйка, всякая охапка дровъ, все то, что дастъ храмъ Божій на родную ему церковную школу, все это—Богу пріятная жертва на просвѣщеніе свѣтомъ Христовымъ дѣтей приходскихъ! Пусть отъ трудовой свѣчки, которая горитъ въ храмѣ Божіемъ передъ ликомъ Божиимъ, загорится огонекъ и въ дѣтской душѣ, тотъ огонекъ свѣта Христова, который согрѣетъ душу ребенка познаніемъ заповѣдей Господнихъ. Знаю, что и храмы Божіи имѣютъ свои нужды, но вѣдь и священникъ и архіерей знаютъ эти нужды не хуже, чѣмъ старосты: они, конечно, разсудятъ, сколько какой храмъ можетъ дать на школу, не обременяя себя. Хорошее дѣло украшать храмы золочеными иконостасами, но еще лучшее дѣло украшать душу дѣтскую Христовымъ ученіемъ. Хорошее дѣло повѣсить большой колоколь, но еще лучшее и Богу пріятнѣе научить дѣтокъ хвалить Бога во храмѣ святомъ своими дѣтскими голосками. Не худо строить высокую колокольню, но несравненно лучше возвышать дѣтскія сердца къ Богу наученіемъ ихъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ церковнымъ. А всему этому учить наша церковная школа, всего этого требуйте отъ нея и вы, церковные старосты, и будете въ правѣ этого требовать, если не будете скупиться удѣлять, конечно, съ согласія священника, нѣкоторыя лепты изъ церковныхъ суммъ на церковныя школы.

Братія! Я еще разъ повторяю: врагъ церкви Божіей, врагъ самого Христа незамѣтно подкрадывается къ намъ: берегите

дѣтей прихода отъ его козней. Этотъ врагъ—тотъ, кто учить дѣтей, будто въ церковь Божию не зачѣмъ ходить, будто Царя не слѣдуетъ почитать, будто и Бога нѣтъ... Если, помилуй Боже, есть гдѣ такіе учителя или учительницы, то ни гроша не давайте на нихъ, пишите о нихъ мнѣ: я не потерплю такихъ учителей и учительницъ“...

Новое дѣло о. Иліодора.—О. Иліодоръ опять въ Царицынѣ. Онъ самовольно уѣхалъ изъ Новосильской Тульской обители чрезъ Москву въ Царицынѣ. Со станціи Царицынѣ Саратовскій іером. Иліодоръ 12 марта послалъ всѣмъ членамъ Синода и Тульскому епископу Парфенію телеграммы, въ которыхъ онъ, заявляя о благоговѣніи и почитаніи святыни церковной власти, просить Св. Синодъ оставить его въ Царицынѣ, ради слезъ и любви къ нему его духовныхъ дѣтей—царицынскихъ жителей. Выражая готовность трудиться и на пользу Новосильской обители, онъ говоритъ, что тамъ все ветхое, нѣтъ ни просторнаго храма, ни гостиницы, гдѣ бы могли проѣзжающіе слушать его проповѣдь и имѣть пристанище. Заявляя о своей неподготовленности къ созерцательной иноческой жизни, о. Иліодоръ говоритъ: „къ руководительству подвѣдомыми монахами я не готовилъ себя съ дней академической скамьи, а шелъ въ монахи и искалъ боевой монашеской жизни;—живая проповѣдь, кормленіе духовною пищею народа, обработка живыхъ камней—народныхъ душъ—мое призваніе и стихія жизни“. Телеграмма заканчивается такъ; „я не бунтарь, не мятежникъ, а только истинный слуга Церкви, Вашего святѣйшества, Царя и народа Его, и, земно кланаясь, прошу простить и благословить послушника іером. Иліодора. Дѣлайте со мною, что хотите, но я изъ Царицына теперь не пойду и не поѣду никуда. Если придется пострадать, то пострадаю, смерти не боюсь, всѣ опасности презираю.“ Въ послѣднихъ словахъ, т. о., сказывается непокорность и стремленіе „пострадать за правду“.

Св. Синодъ, освѣдомившись объ этомъ, телеграммою поручилъ епископу Гермогену немедленно принять мѣры архипастырскаго

воздѣйствія на іер. Иліодора къ возвращенію его къ мѣсту служенія и къ недопущенію совершенія имъ богослуженія въ предѣлахъ Саратовской епархіи.

Между тѣмъ, іером. Иліодоръ, прибывши въ Царицынъ, сталъ совершать въ монастырскомъ храмѣ богослуженіе. Огромныя толпы народа идутъ въ монастырь. Здѣсь, въ присутствіи многотысячной толпы, іер. Иліодоръ произнесъ проповѣдь, въ которой сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Меня обвиняютъ въ томъ, что я не подчиняюсь начальству. Заявляю, что когда правительство требуетъ, чтобы я отказался отъ проповѣди божественной правды, ни за что не подчинюсь ему, ибо тогда нарушилъ бы заповѣдь Христа, поступилъ бы противъ священническаго сана. Пусть меня лишаютъ сана, пусть сошлютъ, куда угодно. Я готовъ за божественную истину Христа принять тысячу смертей. И васъ, возлюбленные братья и сестры, прошу поступать такъ же“.

О себѣ онъ сказалъ, что власти могутъ взять его только въ алтарѣ церкви. Настроеніе поклонниковъ іеромонаха повышенное, они общаются всячески отстоять о. Иліодора.

Черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Царицынъ Саратовскій епископъ Гермогенъ для увѣщанія іер. Иліодора. Отъ 22-го марта епископъ Гермогенъ телеграфировалъ Синоду, что іер. Иліодоръ выражаетъ готовность возвратиться къ мѣсту службы въ Новосильскій монастырь и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ предоставить ему нѣкоторое время для подкрѣпленія здоровья. Синодъ призналъ необходимымъ ожидать дальнѣйшихъ сообщеній.

Изъ Саратова сообщаютъ: Исключенный изъ мѣстной дух. семинаріи воспитанникъ при выходѣ изъ семинарской церкви инспектора Целебровскаго, напалъ на него съ финскимъ ножомъ и нанесъ раны въ животъ и лопатку. Инспекторъ скончался.

Вѣра древнихъ язычниковъ и невѣріе современныхъ христіанъ.

(Историко-психологическій очеркъ).

Глава I-я.

„Блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе“. Іоан. XX, 29.

(Продолженіе).

И не только въ отдѣльныхъ, благородныхъ и свѣтлыхъ личностяхъ Востока и Греціи, но и вообще въ языческомъ мірѣ прозорливцы замѣчаютъ присутствіе такихъ стремленій и потребностей, которыя ясно говорятъ о томъ, что въ немъ таилась способность для вступленія въ благодатное царство Мессіи. Грядущій Мессія, ожидаемый Израилемъ, какъ обѣтованный Избавитель и Утѣха, былъ предметомъ вѣры и язычниковъ. Еще невѣдомый имъ, Онъ составлялъ ихъ Желаніе и Надежду.¹⁾ Бытописатель прямо называетъ Мессію „Чаяніемъ языковъ“.²⁾

Пророки видятъ въ Немъ желаніе и исканіе народовъ.³⁾ Чувство потребности въ искупленіи и духовно-нравственномъ возстановленіи проникаетъ, какъ основной мотивъ, всѣ древнія религіи и представляетъ глубокознаменательный фактъ во всемірной исторіи. Человѣчество стремилось возобновить порванную связь съ Божествомъ и жаждало примиренія съ Небомъ. Сознаніе своего грѣха и виновности предъ Богомъ было присуще—въ той или иной степени—всѣмъ древнимъ народамъ.

Еще Горацій писалъ, что „нѣтъ человѣка безъ недостатковъ и что самый лучшій среди всѣхъ тотъ, у кого ихъ меньше.“ Овидій уже прямо проразумѣваетъ царящее въ человѣкѣ противорѣчіе и борьбу между „духомъ и тѣломъ“, внутреннюю дисгармонію силъ, происходящую отъ „живущаго въ насъ грѣха“, когда говоритъ въ одно слово съ Апостоломъ: „Страсть внушаетъ мнѣ одно,—умъ другое; вижу и одобряю лучшее, слѣдую же худше-

¹⁾ К. Гейки. Жизнь и ученіе І. Христа. Пер. Св. М. Оливейскаго, Моск. 1893 г., вып. I, стр. 172.

²⁾ Быт. 10.

³⁾ Аггей, II, 8.

му.“¹⁾ А вслѣдъ за ними и мудрый Сенека сознается: „Мы всѣ склонны къ худшему, которое выполняемъ противу нашей воли.“²⁾

Такъ дошла языческая древность до сознанія, что человѣкъ „проданъ подъ грѣхъ“³⁾ и нуждается поэтому въ очищеніи и искупленіи. Эта мысль о необходимости искупленія породила въ религіозномъ сознаніи человѣчества еще въ глубокой древности „идею о жертвѣ“, омывающей вину и подающей надежду на примиреніе съ Богомъ. По словамъ Геттингера, жертва представляетъ собою „самое древнее, общераспространенное и священнѣйшее учрежденіе въ человѣческомъ родѣ“. Древній, язычествующій и не-облагодатствованный человѣкъ не щадилъ въ своихъ поискахъ за нравственнымъ очищеніемъ и оправданіемъ даже собратій своихъ,— того, что было цѣннѣе и дороже всего въ мірѣ. Онъ возносилъ на алтари своихъ боговъ часто самыхъ близкихъ ему людей и проливалъ ихъ кровь „во имя примиренія со своими богами.“ Наконецъ, послѣ долгихъ, мучительно-тяжелыхъ вѣковъ послѣдовалъ съ Неба откликъ на страдальческій зовъ человѣка на землѣ. Безцѣнной жертвой не тельца или человѣка, но „Богочеловѣка“ положенъ конецъ всѣмъ жертвамъ древности, и онѣ потухли всѣ въ великой жертвѣ Безгрѣшнаго, заколенного отъ сложенія міра⁴⁾ Божественнаго Агнца.

Люди смутно предугадывали, что и великій всесвѣтный актъ примиренія, имѣющій произойти на Голгоѣскомъ жертвенникѣ, совершится также чрезъ „закланіе Агнца Непорочнаго и Пречистаго“, и что человѣчество живо будетъ „отъ ребръ Его истекшею кровію“...

Отголосокъ всеобщихъ ожиданій искупленія и вмѣстѣ чаяніе великой жертвы за грѣхи міра,—большей, чѣмъ человѣческія жертвы,—высказывается во многихъ глубокомысленныхъ міоахъ языческой древности.

¹⁾ Ср. Рим. VII, 15.

²⁾ Христ. чтеніе 1901 г. Статья А. Садова: „Сознаніе грѣховности и потребность очищенія, наблюдаемая у древнихъ римлянъ“.

³⁾ Рим. VII, 14,

⁴⁾ Апок. XXIII; 8.

Въ нѣкоторыхъ-же языческихъ міоахъ высказывается даже та мысль, составляющая основу откровенной идеи объ искупленіи, что только Богъ можетъ искупить насъ, что только Божество можетъ быть нашимъ Спасителемъ и Примирителемъ.

Прежде всего эта мысль нашла себѣ выраженіе въ древнеперсидскомъ міоѣ о Митрѣ.

Въ болѣе ясной формѣ содержится мысль объ искупленіи человѣка божественною силою въ греческомъ міоѣ о Прометѣѣ.

Богъ Меркурій, посланный вѣстникомъ къ Прометею, прикованному въ наказаніе за похищеніе небеснаго огня къ Кавказской скалѣ, даетъ ему слѣдующее, какъ бы пророческое, обѣщаніе:

Не ожидай конца твоего страданія,

Пока не явится Богъ искупителемъ твоего мученія,

Готовый умереть за тебя и снизойти

Въ невѣдомое царство Аида

И въ мрачную бездну тартара...

Приведенные міоы показываютъ, что языческій міръ признавалъ нужду въ искупленіи и чувствовалъ, что великое дѣло нравственнаго его возстановленія не можетъ быть свершено безъ высшей „Божественной“ жертвы.

Обращаясь отъ міеологіи къ ученію древнихъ языческихъ мудрецовъ и философовъ, мы и здѣсь находимъ наличность вѣры въ Грядущаго Избавителя. Платонъ училъ о Логосѣ, Сократъ ожидалъ Всеобщаго Учителя, Конфуцій говорилъ о Святомъ Мужѣ, Сивиллины книги—о Всемирномъ Властителѣ,¹⁾ Священные книги китайскихъ мудрецовъ изображаютъ будущаго Искупителя, какъ истиннаго Царя и Наставника человѣковъ, Учителя мудрыхъ, Сына Неба, какъ Лицо—Единое съ Богомъ.

Онъ все видитъ и знаетъ,

И истинны мысли Его;

Мудрость Его безпредѣльна,

И очи Его видятъ грядущее;

¹⁾ Проф. Н. Рождественскій. Хр. Апологетика, СПб, 1893, т. II, стр. 315.

Онъ единственный Жрецъ, могущій принести
 Богу достойную жертву.
 Какъ поблекшія растенія жаждутъ дождя,
 Такъ ждуть народы явленія Его.
 Онъ міръ обновитъ и загладитъ пороки людей,
 И входъ имъ на небо отверзетъ,
 Но, грѣхъ міровой умерщвляя,
 И Самъ Онъ умретъ
 Среди поношеній жестокихъ...¹⁾

Историки римскіе и писатели эпохи Августа (Тацитъ, Светоній) также согласно говорятъ о пришествіи могущественнаго Царя, возстановителя „золотого вѣка“. Наиболѣе характерное выраженіе нашли себѣ эти послѣднія ожиданія у римскаго поэта Виргилія. Въ своей знаменитой эклогѣ (Полліонъ), написанный въ честь сына, котораго ожидалъ консулъ Полліонъ, поэтъ рисуетъ будущаго славнаго царя, потомка Боговъ, великую отрасль Юпитера. Онъ утвердитъ благоденствіе народовъ, истребитъ на землѣ неправду и безпорядокъ, возвратитъ людямъ утраченное ими невинное и блаженное состояніе и укрѣпитъ всеобщій миръ и счастье.

До какой высоты могла подняться въ своихъ стремленіяхъ овладѣть религіозною истиною естественная мудрость человѣка, стоявшая подъ водительствомъ Премудрости Божіей,²⁾ показываетъ ученіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ философовъ. Говоря о философахъ, мы будемъ имѣть въ виду греческихъ философовъ, въ частности же Сократа. Сократъ, какъ извѣстно, сообщилъ философіи новое направленіе, держась котораго она очень близко подошла къ истинѣ. До Сократа философія исключительно вращалась въ области изученія внѣшней природы и, стараясь постигнуть тайну бытія ея, игнорировала совершенно человѣка и его духовно-нравственный міръ. Сократъ первый открылъ этотъ міръ и, оставивши физическую природу, углубился въ изученіе человѣка,—отъ природы стихійной перешелъ къ разумно-человѣческой. Положивши въ осно-

¹⁾ Пр. Голубинскій, Премудрость и благость Божія, стр. 288.

²⁾ Прем. Сол. VII, 15, Прит. VIII, 31.

ваніе своей философіи принципъ самосознанія, Сократъ указаль человеческой жизни нравственныя цѣли, открыль въ душѣ присутствіе Божества, голосъ Котораго самъ лично онъ явно ощущаль въ себѣ. Сократъ вѣровалъ въ Бога Единого, Невидимаго, Творца и Промыслителя всего сущаго. Самое существо Божіе смертному постичь невозможно. Но это не значить, что Богъ совершенно чуждъ и далекъ человѣку. Невидимый въ своемъ домостроительствѣ, Богъ созерцается въ своихъ великихъ дѣлахъ. Онъ печется о людяхъ и объемлетъ весь міръ своимъ промышленіемъ. Человѣческая душа больше, чѣмъ все другое, причастна Божеству и мы ясно можемъ чтить въ ней Божественное. По природѣ своей душа безсмертна. Она переживетъ тѣло и въ союзѣ съ Божествомъ обрѣтетъ новую жизнь, лучшую, чѣмъ земная.

Доживая послѣдніе часы своей жизни и бесѣдуя передъ смертію со своими друзьями, Сократъ, полный вѣры въ безсмертіе, говорилъ: „Я не скорблю, ибо увѣренъ, что умершіе существуютъ, и что добрымъ тамъ гораздо лучше, чѣмъ злымъ.“

Какъ причастная Божеству и безсмертная, душа человеческая имѣетъ высокую цѣль и назначеніе. Она обязываетъ человѣка къ добродѣтели. Въ ней насажденъ нравственный законъ, который призываетъ человѣка любить и дѣлать добро. Еще живя на землѣ, человѣкъ долженъ стремиться къ соединенію съ Богомъ. Условіями къ этому служатъ нравственное очищеніе и возвышеніе. Необходимо произвести коренную реформу своей внутренней жизни, своихъ понятій, убѣжденій и вѣрованій. Только тогда, когда совершится эта реформа,—это „новое рожденіе“ въ духовную жизнь, напоминающее, по своимъ болѣзнямъ и тугамъ, рожденіе тѣлесное,—только тогда человѣкъ вступитъ въ сферу жизни, достойную его природы и назначенія...

Пораженные величіемъ и чистотой этого философскаго ученія, св. отцы и учителя церковные смотрѣли на греческую философію, какъ на дѣло Божественнаго промышленія. Такъ, св. Климентъ Александрійскій полагаетъ, что она замѣняла грекамъ Божествен-

ное откровеніе и въ силахъ была дѣловодительствовать ихъ ко Христу.

И если послѣ тысячелѣтнихъ исканій и круговращеній мысль язычника не нашла искомага, то все же она дошла до яснаго сознанія своей человѣческой ограниченности и безсилія въ дѣлѣ постиженія Божественнаго.

Дикая маслина, растущая въ полѣ, на волѣ стихій и другихъ неблагопріятныхъ условій, была приобщена къ доброй маслинѣ, получила новыя силы и соки къ своему дальнѣйшему возрастанію и развитію. Этою маслиною оказался языческій міръ, раньше другихъ принявшій Христово ученіе. А Израиль, считавшій себя „возлюбленнымъ виноградникомъ Божіимъ“ и въ гордости пренебрегшій своимъ духовнымъ развитіемъ, былъ отринутъ Богомъ.

Не легко и не скоро досталось, конечно, языческому міру тяжелое сознаніе своего нравственнаго безсилія и умственной ограниченности. Путь къ нему былъ длиненъ и труденъ, и начало его теряется во мракѣ глубокой древности, невѣдомой исторіи. И это сознаніе недостаточности одного разума и чувства на пути къ истинѣ, неразлучное съ желаніемъ высшаго руководства и Божественной помощи, — есть самое лучшее и цѣнное, что мы находимъ у языческихъ философовъ.

Философская древность, въ лицѣ геніальныхъ своихъ представителей (Сократа, Платона, Цицерона) неоднократно, по разнымъ поводамъ, высказывала мысль о необходимости Божественной помощи въ дѣлѣ уразумѣнія истины. У Сократа нѣкто Алкивіадъ желаетъ, „чтобы Самъ Богъ научилъ людей истинѣ.“ Платонъ говорилъ, что „научить благочестію никто не можетъ, кромѣ Бога“.

„Никто не можетъ помочь самому себѣ; ему долженъ кто-нибудь подать руку помощи, чтобы поднять его“, говоритъ Сенека,¹⁾ разясняя необходимость сторонней Божественной силы, для религіознаго просвѣщенія человѣка.

¹⁾ Свящ. Буткевичъ. Язычество и іудейство... Харьковъ, 1888 г., стр. 25.

Не въ силахъ будучи самъ, своими собственными силами, рѣшить вопросы бытія и жизни, осмыслить все наличное бытіе, древній человѣкъ былъ вынужденъ обратиться за рѣшеніемъ своихъ вопросовъ къ Богу, какъ Высочайшему Уму.

„Хочу спросить тебя, Живосущій,—читаемъ мы въ священ-
ныхъ иранскихъ гимнахъ,—повѣдай мнѣ истину:

Кто отецъ всѣхъ существъ?

Кто создалъ путь солнца и пути звѣздные?

Кто велитъ мѣсяцу расти и потомъ исчезнуть?

Хотѣлось бы мнѣ знать это, Премудрый.

Еще хочу спросить тебя, Живосущій, повѣдай мнѣ истину,

Кто держитъ землю и облака надъ нею?

Кто создалъ воздухъ, деревья и травы?

Кто окрылилъ вѣтры и бури?

Кто ставитъ сына отцу на смѣну?“¹⁾

И къ этому Живосущему, не знаемому, но явно ощущаемому Богу, устремлены были сердце и очи лучшей части языческаго міра и Ему, Невѣдомому, но Всевѣдующему, посвящали люди свои алтари...²⁾ Глубокая и неоспоримая правда звучитъ въ словахъ древняго учителя церкви—Оригена, сказавшаго: „на сердцахъ, т. е. на совѣсти народовъ написано: есть Богъ Единый—Творецъ всего.“³⁾ „Вижу народъ, простирающій руки къ Небу“,—говоритъ и другой церковный учитель—Тертулліанъ: „и слышу, какъ онъ повторяетъ: Великъ Богъ, Истиненъ Богъ.“⁴⁾ Это душа человѣческая, являющаяся по самой своей природѣ носительницей христіанскихъ идей, требовала и искала Живаго Истиннаго Бога, внѣ связи съ Которымъ нѣтъ для человѣка от-
рады и покоя...

¹⁾ М. Каррьеръ. Искусство въ связи съ общ. развитіемъ культуры. Русскій пер. Моск. 1870 г., т. I, стр. 414.

²⁾ Дѣянія. XVII, 23.

³⁾ А. Соколовъ. Невозможность религіи безъ представленія о личномъ Богѣ. Астрахань, 1902 г., стр. 26.

⁴⁾ Прот. Н. Малиновскій. Очеркъ прав. догм. богословія, I-я полов. Каменецъ-Подольскъ, 1904 г., стр. 101.

Итакъ, спросимъ теперь вмѣстѣ съ Апостоломъ: „Развѣ іудеевъ Богъ токмо, а не языковъ?—Ей, и языковъ“...¹⁾

И исторія народовъ языческихъ, какъ показываетъ настоящій очеркъ, ничуть не расходится съ этимъ апостольскимъ отвѣтомъ.

Бросая въ заключеніе общій ретроспективный взглядъ на исторію древнихъ естественныхъ религій, нельзя не замѣтить, что, въ общей своей совокупности, онѣ представляютъ единый процессъ постепеннаго развитія и просвѣтлѣнія религіознаго сознанія древняго человѣчества. Отдѣльныя религіи выступаютъ предъ нами, какъ отдѣльные моменты въ постепенномъ ходѣ этого развитія, какъ матеріальныя вѣхи, которыми обозначался этотъ длинный историческій путь, пройденный человѣчествомъ, носящій въ своей сущности очевидную печать прогресса. Въ виду этого воздержимся смотрѣть на древнія религіи, какъ на рядъ однихъ только заблужденій, среди которыхъ не было никакой совершенно истины.²⁾ Неправедливо забывать о тѣхъ великихъ моральныхъ страданіяхъ, подъятыхъ древнимъ міромъ, которыя сопровождали благородныя попытки послѣдняго познать религіозную истину. Не слѣдуетъ также забывать,—а тѣмъ болѣе отрицать—и тѣхъ положительныхъ результатовъ, кои были достигнуты имъ въ этомъ направленіи.³⁾ Дѣлать этого не нужно, ибо иначе мы станемъ въ несогласіе слову Божию и очевиднымъ историческимъ даннымъ, признающимъ за естественнымъ человѣческимъ знаніемъ извѣстную возможность (постиженія) религіозныхъ истинъ.

Хр. Соболевъ.

1910 г. 27 октября.

Г. Красноярскъ.

¹⁾ Рим. III, 29.

²⁾ Проф. Н. Рождественскій, Апологетика, т. II, стр. 101.

³⁾ Проф. С. Глаголевъ. Сверхъестеств. Откровеніе и естеств. богопознаніе... Харьковъ, 1900, стр. 40—75.

Завѣдываніе свѣчнымъ складомъ.

О завѣдываніи свѣчными складами до сихъ поръ не появлялось ни одного слова на страницахъ мѣстнаго духовнаго органа печати. Между тѣмъ, въ настоящее время съ этимъ завѣдываніемъ сопряжено не мало трудностей и ненормальностей, заставляющихъ взяться за перо и словомъ печатнымъ посодѣйствовать устраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Дѣла наложено на завѣдывающихъ не мало, если принять во вниманіе, что, кромѣ торговли свѣчами, имъ же вмѣнено въ обязанность торговать виномъ, масломъ, кадильнымъ углемъ, ладаномъ и т. д. На завѣдывающихъ вдругъ свалили собраніе косвеннаго налога на свѣчи и тѣмъ сразу увеличили на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей денежныя операціи складовъ. Но это все же еще было терпимо. Однако на завѣдывающихъ наложили еще одну бѣду, въ видѣ ревизованія складовъ четыре раза въ годъ. Вызвано это было постоянной недостатчей свѣчъ въ складахъ. Но выяснить причину недостачи не удалось. Вину слагали все на то, что и крошки изъ ящиковъ сыплутся, и свѣчи ломаются; то маслянятъ ихъ сильно; то, наконецъ, неправильно были свѣчи взвѣшиваемы и т. д. и т. д.

Но упомянутыя выше причины были легко устранены, а недостачи все-таки продолжаютъ обнаруживаться, и не видно имъ ни краю, ни конца. Очевидно причины были вовсе не тѣ. По моему глубокому убѣжденію, причина скрывается въ неподготовленности и малой освѣдомленности завѣдывающихъ въ торговомъ дѣлѣ. Для торговли необходимъ не одинъ товаръ, а и умѣнье торговать. Я думаю, это и доказывать излишне.

На торговомъ дѣлѣ всегда можно прогорѣть, если не принять во вниманіе необходимыхъ правилъ и требованій веденія торговаго дѣла. А откуда же завѣдывающіе могли знать эти правила, когда они вовсе не сродны съ этимъ дѣломъ? Свѣчная же торговля, какъ она обставлена сейчасъ, требуетъ очень внимательнаго отношенія къ себѣ. Вѣдь даже и съѣздъ духовенства, становился вту-

пикъ, когда при ревизіяхъ обнаруживалась разница пудовъ на десять воска. Рѣшить же этотъ вопросъ и установить, отъ кого и отъ чего происходитъ разница— достоверно очень трудно. И можно съ увѣренностью сказать, что разница въ вѣсѣ при ревизіяхъ всегда будетъ, и ждать отъ ревизіи уничтоженія недовѣсовъ весьма сомнительно.

Для устраненія недовѣсовъ, или, вѣрнѣе, разницы въ вѣсѣ, особенно въ складахъ, была предложена очень радикальная мѣра—визаніе всѣхъ сортовъ свѣчъ въ пучки по 5 фунтовъ и завертываніе ихъ наглухо прочной бумагой. При такой постановкѣ дѣла даже и присутствіе вѣсовъ въ складѣ будетъ излишнимъ. Будутъ устранены всѣ недоразумѣнія со стороны продавцовъ и покупателей. Конечно, какъ видно, не всѣ соглашались съ цѣлесообразностью сей мѣры, потому что до сихъ поръ ничего не предпринимается никѣмъ для осуществленія ея, а потому и автору вѣроятно не разъ придется выступать съ печатнымъ словомъ по сему вопросу.

Завѣдывающій.

Изъ дневника семинариста.

(Экскурсія воспитан. Красн. д. сем. во св. землю).

(Продолженіе.)

Отсюда отправился къ мѣсту, съ котораго, по преданію, вознесся на небо Господь. Мѣсто это принадлежитъ мусульманамъ и находится внутри часовни. За входъ заплатилъ паричку. Посрединѣ лежитъ камень съ оттискомъ лѣвой человѣческой стопы. Замѣчательно, что по положенію ступни Спаситель при вознесеніи былъ обращенъ на сѣверъ, какъ бы для благословенія нашей родины. Около стѣны пристроены престолы, на которыхъ въ праздникъ Вознесенія Господня христіане совершаютъ свои литургіи. Крыши нѣтъ въ знакъ того, что въ моментъ вознесенія Христа небо соединилось съ землей. Съ открытаго мѣста любовался Іерусалимомъ. Да, припоминая, вѣдь съ этой горы Господь, смотря на красоту и величіе Іерусалима, съ грустью произнесъ слова о его судьбѣ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ Я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья,

но вы не захотѣли! Теперь вотъ оставляется домъ вашъ пустъ“. Спускаясь ниже, я зашелъ въ католическій французскій монастырь, построенный на мѣстѣ, гдѣ Спаситель научилъ учениковъ Своихъ молиться, говоря имъ: „молитесь такъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Среди двора устроены квадратомъ крытыя галлерей, на боковыхъ стѣнахъ которыхъ размѣшены 33 мраморныя доски, на которыхъ золотыми буквами изложена молитва Господня „Отче нашъ“ на 33 нарѣчіяхъ: на русскомъ, славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, армянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и т. д. Дивная Молитва. Ее читають и слышать всѣ: Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ перечитываютъ эту молитву Христа. И какъ кетати она написана здѣсь на разныхъ языкахъ, куда ежегодно стекается столько разныхъ племенъ и нарѣчій! Показывавшая мнѣ женщина впустила меня въ церковь всего лишь на минуту. Тишина. Полумракъ. Жутко. Впереди, въ разныхъ мѣстахъ стоятъ на колѣняхъ нѣсколько женщинъ. За особую плату она отперла мнѣ входъ въ пещеру, гдѣ, по преданію, былъ соборъ 12 апостоловъ. Теперь тутъ подземная католическая церковь... Ко мнѣ присталъ турокъ или арабъ лѣтъ 15 со своими услугами. Я категорически отказался... Нѣтъ, идетъ. Я его прогоняю, а онъ, не обращая на это вниманія, идетъ и, жестикулируя руками, мимикой напрашивается въ проводники и хочетъ что-то показать. Я отказываюсь. Пристаесть съ паричкой. Дай бакшишъ. Опасаюсь... тѣмъ болѣе, что я одинъ, кругомъ ни души, однако я не показываю вида. Къ счастью шелъ мужчина-арабъ, которому я объяснилъ недоразумѣніе и благополучно прибылъ въ Геосиманію. Когда-то здѣсь былъ густой, тѣнистый садъ Геосиманскій. И я воображалъ, что увижу громадныя деревья, зелень, цвѣты, хоровое пѣніе птицъ и т. д. Напрасно! Теперь здѣсь я вижу маленькій садикъ, принадлежащій францисканцамъ. Деревьевъ почти нѣтъ. Кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ кипарисовъ и маслинъ, рѣзко выдѣляются 7—8 старыхъ масличныхъ деревьевъ. Полагають, что эти старыя маслины—памятники древней Геосиманіи. Садъ окруженъ желѣзной оградой. Немного въ сторонѣ (лѣвой) отъ входа въ садъ, показываютъ мѣсто, гдѣ

ученики оставили Спасителя и спали во время Его молитвы, мѣсто, гдѣ Онъ сказалъ имъ: „что вы спите? встаньте и молитесь“... Немного далѣе—мѣсто уединенной молитвы Спасителя „О чашѣ“ до кроваваго пота: „Отче мой, если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“... мѣсто это обозначено небольшою колонною, вдѣланною въ стѣну. Внутри сада разгорожены аллеи. По круговой аллеѣ, на всѣхъ 4-хъ сторонахъ ограды поставлены въ витринахъ картины-рельефы, изображающія всѣ 14 стадій на страстномъ пути Спасителя въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ. Больше ничего не нашелъ достойнаго вниманія. Да, отъ Геосиманскаго сада осталось одно воспоминаніе... Не изгладится изъ памяти вѣрующаго человѣка та печальная ночь, когда здѣсь явился со множествомъ слугъ съ кольями и палками въ рукахъ предатель Христа—Иуда Искаріотскій. Ясно представляю, какъ сейчасъ, картину, нарисованную Евангелистомъ, послѣ троекратной молитвы Спасителя: „прииде (Иисусъ въ третій разъ къ спящимъ) къ ученикамъ своимъ и говоритъ имъ: „вы все еще спите и поживаете; вотъ, приблизился часъ, и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ; встаньте, пойдемъ: вотъ приблизился предающій Меня“, и когда еще говорилъ Онъ, вотъ, Иуда, одинъ изъ двѣнадцати (учениковъ), пришелъ и съ нимъ множество народа съ мечами и кольями отъ первосвященниковъ и старѣйшинъ народныхъ. Предающій же Его далъ имъ знакъ, сказавъ: „Кого я поцѣлую, Тотъ и есть, возьмите Его“. И тотчасъ подошелъ къ Иисусу, сказалъ: „радуйся, Равви“! и поцѣловалъ Его. Иисусъ же сказалъ ему: „другъ, для чего ты пришелъ“? Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса и взяли Его“ (Мѡ. XXVI, 45—50). Никто не забудетъ этого предательскаго поцѣлуя, этой нечистой сдѣлки—продажи жизни Безцѣннаго за цѣну въ 30 сребренниковъ! „Бѣжи, несытая души, учителю такая дерзнувши“!—сказалъ я въ себѣ и вышелъ изъ сада. Вотъ я уже у пещеры, гдѣ находится гробница Богоматери—мѣсто временнаго упокоенія на землѣ Пречистаго тѣла Ея. Вхожу въ пещеру украшенъ аркою со стройными колоннами по бокамъ.

Стѣны самой пещеры сложены изъ большихъ камней. Спускаюсь по широкой мраморной лѣстницѣ (въ 48 ступеней) въ глубь пещеры. 20 ступеней... небольшая площадка, по бокамъ которой показываютъ два углубленія — гробницы родителей Пресвятой Дѣвы: Іоакима и Анны, и гробницу Іосифа Обручника. Последняя ступенька — и я внутри пещеры. Прохладно. Полумракъ. Таинственное мерцаніе свѣта отъ множества лампадъ, украшающихъ пещеру, внушаетъ невольное чувство священнаго трепета и благоговѣнія. Погребальная пещера — ни что иное, какъ обширный подземный храмъ съ полукруглыми сводами. Въ восточной сторонѣ храма мнѣ показали и главную святыню — гробницу Богоматери. Это большой камень, обдѣланный въ часовню. Ложе Богоматери покрыто мраморной доской и служить престоломъ. Принадлежитъ православнымъ грекамъ. Приложившись къ мраморной доскѣ, осмотрѣлъ весь храмъ. Нѣтъ, въ греческихъ рукахъ все не такъ, какъ въ русскихъ. Утоливъ жажду ключевой водой, почерпнувъ ее изъ помѣщающейся здѣсь цистерны, я вышелъ изъ пещеры, окинулъ взоромъ весь склонъ Елеонской горы и направился прежнимъ путемъ въ свое подворье. По дорогѣ, недалеко отъ воротъ, встрѣтилъ прокаженныхъ, просящихъ „ради Христа“. Боже! Какой жалкій видъ этихъ несчастныхъ людей, покрытыхъ струпьями, и язвами, съ отгнившими и отваливающимися членами и т. д. Припоминается изъ исторіи фактъ, когда встрѣтили Христа 10 прокаженныхъ мужей, „иже стаха издавеча: и ти вознесоша гласъ, глаголюще: Іисусе Наставниче, помилуй ны“... Бросивъ имъ три парички, я поспѣшилъ скорѣй пройти мимо нихъ. Да, мы бѣжимъ отъ нихъ... Какъ это нехорошо! Мы боимся ихъ, боимся заразиться, намъ дорога наша рубашка, которая ближе къ тѣлу... а они, бѣдные, почти полунагіе, всѣми заброшенные, выкинутые изъ среды людей за городъ, обреченные на гибель, они сидятъ день и ночь, и въ зной, и дождь съ протянутыми руками, прося и умоляя проходящихъ дать имъ насущный кусокъ хлѣба, а мы, не обращая вниманія, проходимъ мимо нихъ. „Отолстѣ бо сердце людей, и ушима тяжко

слышаша, и очи свои смежиша“... (Мѡ. 13, 15). Не могу отогнать отъ себя мысли объ ихъ положеніи... Протягиваетъ руку обыкновенный нищій, а у тебя въ головѣ такъ и вертится, что это просить прокаженный... Весь крестный путь и до самого подворья въ воображеніи моемъ рисовались картины: бѣдствій, страданій, мученій, смерти, наказаній за грѣхи, будущая потусторонняя жизнь и т. п.

Сильныя впечатлѣнія! Дѣлился ими съ товарищами, о М. и о. П., съ ними и легъ спать... не выходятъ изъ головы!...”

Поѣздка на осликъ въ Лавру св. Саввы Освященнаго.

Раннее іюльское утро... Солнце еще за горизонтомъ... Торжественно садимся на осливъ и, перекрестясь, движемся въ путь, хотя и недалекій, но, кажется, нелегкій—въ лавру Св. Саввы. Изъ нашей компаніи набралось охотниковъ всего 7 человекъ во главѣ съ руководителемъ экскурсіи и проводникомъ. Путь гористый, узкій, такъ что по нему и можно пробраться только верховому, всего лучше и безопаснѣе на осликѣ, умномъ и безопасномъ животномъ. Жутко смотрѣть на обрывы, но осликъ, твердо и смѣло ступая шагъ за шагомъ впередъ, даетъ надежду на безопасность. Пройдя многоверстное разстояніе и не встрѣтя на пути ни жилища, ни души, никакой растительности, мы подошли наконецъ къ Лаврѣ. Обитель расположилась по склону горы; первое впечатлѣніе, какое производитъ видъ лавры—это груды развалинъ. Насъ встрѣчаютъ съ колокольнымъ звономъ... Стукнулъ ржавый замокъ, заскрипѣла дверь, тамъ другая, и мы въ лаврѣ. Послѣ неимовѣрнаго зноя такъ пріятно отдохнуть въ прохладной гостиной лавры, на мягкихъ лежанкахъ, устроенныхъ кругомъ всѣхъ стѣнъ. Вотъ смиренный житель пріѣтствуетъ насъ по восточному, угощая „глико“, а вотъ и русскій самоваръ на столѣ. Жарко.—Чай не льется въ горло. Идемъ осматривать достопримѣчательности лавры: всѣ церкви, пещеры и даже стройную финиковую высокую пальму, посаженную, по монастырскому преданію, самимъ основателемъ лавры—Св. Саввою.

Интересна старинная живопись, мозаика... все производит отрадное впечатлѣніе. Припоминаются наши русскія лавры:— Кіевская, въ которой мы были около трехъ недѣль тому назадъ. Тамъ все блеститъ, горитъ и пышетъ внѣшней славою и богатствомъ, но здѣсь... здѣсь внѣшность скудна, бѣдна и невзрачна... нѣтъ золота и блеска, но, когда вникнемъ въ сердце жизни этой незатѣйливой обители, то въ ней-то и раскрывается богатство, богатство внутреннее... она наполнена и украшается ея насельниками-подвижниками, проводящими время жизни въ неустанномъ подвигѣ, трудѣ, постѣ и молитвѣ. Трудно ожидать, чтобы хотя одинъ какой-либо нашъ русскій инокъ-черноризецъ, пожившій въ русской лаврѣ, монастырѣ или даже просто въ общинѣ, согласился пожить здѣсь хотя малое время; строгій уставъ ему показался бы неудобноносимымъ бременемъ. Мнѣ монастырская служба, жизнь очень нравится, на житіе въ нихъ я былъ согласенъ, но здѣсь... вопросъ для меня явился бы трудно рѣшимымъ. Здѣсь истинное умерщвление плоти и подвигъ духа и вѣры. Не намъ браннымъ и грѣшнымъ здѣсь свои души спасать. Боже! Прости за мой помыселъ.

Послѣ братской трапезы пригласили и насъ откушать ихъ хлѣба-соли, но, признаться сказать, никто изъ насъ, кажется, не вкусилъ той пищи, которою довольствуются отшельники міра сего. Скудна ихъ пища, тяжелъ ихъ подвигъ. И недаромъ въ своей убогой одеждѣ и обуви, имѣя на головѣ кукуль, они имѣютъ видъ живыхъ мертвецовъ. Долго въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ нами въ гостини 96-лѣтній старецъ-подвижникъ—настоятель лавры. Времени часъ дня. Пора обратно. Въ послѣдній разъ зашли въ часовню, спѣли „вѣчную память“ почившимъ, и снова стукъ замковъ, и скрипъ дверей, и, поинтересовавшись еще разъ общимъ видомъ лавры, мы снова на своихъ ослахъ и снова бредемъ по горамъ, то взбираясь на вершины, то спускаясь въ долины. Долго еще я размышлялъ и о многомъ мечталъ... а мой осликъ, какъ бы видя, чѣмъ я занятъ, унесъ меня далеко впередъ всѣхъ, какъ бы желая дать свободу моимъ

мечтамъ, чтобы никто не порвалъ моей мысленной нити. Однако мы почти незамѣтно, несмотря на знойные лучи солнца, добрались до греческаго монастыря Св. Θεодосія, современника Св. Саввы Освященнаго. Зашли сюда лишь только затѣмъ, чтобы подъ сѣнію монастырской кровли дать отдохнуть своимъ членамъ и возницамъ... Смотрѣть здѣсь было нечего. Выпивъ по стакану чая, мы снялись, сидя на ослахъ, а затѣмъ, перекрестясь... и въ Іерусалимъ. Проѣхали чрезъ „село Скудельниче“, село крове, купленное на несчастные сребренники, брошенные кровавою рукою Искаріотскаго предателя. „Бѣжи несытыя души“!

Вотъ мы уже противъ Яффскихъ воротъ. Насъ остановили вмѣстѣ съ ѣхавшими съ поѣзда пассажирами. Запрудили всю улицу. Что такое?—думаемъ мы. Но вотъ проѣхали двѣ—три кареты, и снова всѣ тронулись со своихъ мѣстъ. Проѣхалъ какой-то паша. Бѣшено рванулись наши ослы. Мчатся фургоны и кареты, скачутъ кони и ослы. Стало тѣсно, грозила опасность быть смятымъ.—Я повернулъ своего осла въ сторону и такъ неудачно, что едва не поплатился своимъ благосостояніемъ, а можетъ быть и жизнью. Спасибо и доброе здоровье доброму турку, который замѣчательно быстро и ловко подхватилъ меня на лету и... я невредимъ, а то, Богъ вѣсть, что бы было со мною... Вскочивъ снова на осла, я быстро (галопомъ) домчался до русскихъ построекъ. Наши были уже во дворѣ. Черезъ пять минутъ мы заплатили хозяину деньги и, потрепавъ по шеѣ своихъ ословъ, распростились съ ними навсегда. Благополучная поѣздка доставила намъ неизгладимое впечатлѣніе. А эти ослики? Хотя и говорятъ, что осель упрямъ и глуповатъ, но кажется, что умнѣе и осторожнѣе осла въ опасномъ пути нѣтъ другого животнаго...

Этой пріятной поѣздкой и закончилась наша паломническая экскурсія во Іерусалимъ и его окрестности.

Н. Уставщиковъ.

Редакторъ А. Богдановъ.
Печатать разрѣшается. Цензоръ, Ректоръ Дух. Сем., прот. Н. Асташевскій.

Тип., б. М. И. Абалакова.